

О. А. Митько¹, Ван Пэн^{1,2}, Нулицзяцзы Байкэнь^{1,3}

¹ *Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия*

² *Институт археологии АОН КНР
ул. Ванфуцзин дацзе, 27, Пекин, 100710, КНР*

³ *Синьцзянский университет
ул. Шэнлилу, 14, Урумчи, 830046, КНР*

omitis@gf.nsu.ru

ОГНИВА ТЮРКО-МОНГОЛЬСКОГО ТИПА С КИТАЙСКИМИ БЛАГОПОЖЕЛАТЕЛЬНЫМИ НАДПИСЯМИ И СИМВОЛАМИ *

В Южной Сибири и Центральной Азии переход на использование стальных кресал происходит во второй половине I тыс. н. э. Небольшие украшенные бляхами поясные сумочки для огневых приборов фиксируются в тюркских памятниках. Для позднего Средневековья широкое распространение получают оригинальные по форме и декоративному оформлению огнива тюрко-монгольского типа. В XIX в. они становятся частью национального костюма монголов, бурят, тувинцев, алтайцев и хакасов. Лицевая сторона огнив часто украшалась накладными бляхами с чеканными узорами и вставками из кораллов и полудрагоценных камней. Китайские мастера изготавливали накладки с орнаментом из различных металлов, включая золото и серебро.

Рассматривается отдельная группа огнив (10 экз.) с китайскими благопожелательными надписями. Они представлены в форме стилизованных иероглифов-символов, означающих пожелание «долгих лет жизни», «счастья и благополучия». Образность и значение этих надписей сопровождалось аллегорическими изображениями птиц, животных и растений, дополнительно усиливающих значение главного символа. В бытовых по своему функциональному назначению приспособлениях для получения огня нашел отражение самобытный художественный язык, органично сочетающий в себе орнаментальные мотивы кочевых народов с этическими и эстетическими принципами китайской культуры.

Ключевые слова: кресало, поясная сумочка для огнива, Центральная Азия, Монголия, Китай, благопожелание, орнаментация, семантика.

На протяжении различных исторических этапов традиционная одежда являлась одним из основополагающих этнографических комплексов культуры жизнеобеспечения народов Южной Сибири и Центральной Азии, принадлежавших к двум ветвям алтайской языковой семьи – монгольской и тюркской. Одним из наиболее выразительных общекультурных элементов, рассматриваемых как важное дополнение к традиционной одежде, был наборный пояс, служивший, наряду с оружием и снаряжением коня, свидетельством социального статуса и составлявший основную ценностную категорию средневековых кочевников евразий-

* Публикация осуществлена в рамках Задания № 2014/139 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России.

Митько О. А., Ван Пэн, Нулицзяцзы Байкэнь. Огнива тюрко-монгольского типа с китайскими благопожелательными надписями и символами // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 4: Востоковедение. С. 50–59.

ской степи. По данным археологии, наборные пояса с подвесными сумочками различной формы и устройства были наиболее надежным и удобным местом для хранения мелких, но необходимых бытовых изделий, предметов туалета, украшений и амулетов.

Начиная с тюркского времени получили распространение небольшие украшенные крупными бляхами поясные сумки для огневых приборов [Митько, 2013]. В позднем Средневековье у тюркских и монгольских народов появляются оригинальные по форме и декоративному оформлению огнива. В отличие от Европы, где появление верхней одежды с карманами повлекло за собой переход на карманные сумочки для хранения кресал, кремня и трута (*-pocket tinder-pouch*), на территории Южной Сибири и Центральной Азии традиция ношения поясных кресальных сумок просуществовала около полутора тысячи лет и достигла своего апогея к концу XIX в. [Митько, 2012].

Изучение столь длительной традиции невозможно в отрыве от историко-культурной среды, в которой она развивалась. На всем протяжении истории поясных кресальных сумок можно выделить различные художественно-стилистические и региональные направления, школы и центры декоративно-прикладного искусства [Соктоева, Бадмаева, 1971. С. 6–7; Кочешков, 1979. С. 28–29]. Общей характерной чертой этой традиции следует считать ее устойчивость, связанную с хозяйственным укладом и специфическим бытом воинов, скотоводов и охотников степей Высокой Азии, на менталитет которых в значительной степени повлиял ламаизм. Помимо этого, консервация знаково-кодовой системы костюма (включая пояс) центральноазиатских кочевников во многом была определена законодательными актами и предписаниями, принятыми в Китае в эпоху маньчжурской династии Цин (1644–1911). Административный аппарат жестко контролировал все стороны жизни подданных Империи, регламентируя и ношение определенного типа одежды, выполнявшей социально-нормативные функции различных слоев и групп населения [Бадамхатан, 1974. С. 55].

К концу цинского правления праздничная и повседневная одежда монголов и тюркских народов, оказавшихся в сфере политического и социально-экономического влияния Китая, подпоясывалась матерчатым поясом, который обматывали вокруг талии. Мужчины к такому поясу на специальных кожаных ремнях, нередко украшенных серебряными или нефритовыми бляхами [Митько и др., 2012], подвешивали поясной набор: огнива (по-монгольски – *хэт / хэтэ*), богато отделанные по коже орнаментированным металлом, и нож в ножнах, где часто хранились и палочки для еды [Викторова, 1987. С. 109]. Огневые приборы подобного типа и под тем же названием были распространены у бурят [Бабуева, 2004. С. 121]. Алтайцы их называли *отык* [Алтайский..., 1990. С. 12], хакасы – *отых* [Сунчугашев, 1979. С. 126], тувинцы – *оттук* [Вайнштейн, 1974. С. 97], якуты – *кыалык* [Гурвич, 1977. С. 129].

Очевидно, после 1720 г., когда маньчжуры, захватив Лхасу, оставили в городе двухтысячный монгольский гарнизон, огнива тюрко-монгольского типа могли появиться у тибетцев, став частью их традиционного костюма¹. На их монгольское происхождение указывает название (*кетэ*) [Козлов, 1949. С. 180; Hummel, 1953. Abb. 104, 105; Рерих, 1992; 1995. С. 339; Rockhill, 1891. P. 143, 231; Лазаревич, Молодин, Лабецкий, 2002. Рис. 29, 30]. Возможно, с того же времени подобные огнива распространяются и у непальцев, поддерживавших с Тибетом тесные экономические и религиозные связи [Zessin, 2009].

У народов Южной Сибири и Центральной Азии в XVIII в. существовало высокохудожественное кузнечное и ювелирное ремесленное производство [Boyer, 1952]. Однако с середины XIX в. продукция мастеров-серебряников не могла конкурировать с русскими и китайскими товарами, что отразилось и на изготовлении и распространении огневых приборов. От русских купцов к сибирским народам поступали относительно дешевые и простые в изготовлении кресала, как правило, калачевидной формы. Китайские мастера изготавливали огнива тюрко-монгольского типа, украшенные орнаментированными металлическими накладками из различных металлов, включая золото и серебро. Основными потребителями дорогих огнив были, пользуясь выражением П. К. Козлова, «окитаивавшиеся... богатые и чиновные монголы, которые вместо юрт строят себе дома китайской архитектуры» [1949. С. 405]. Свою роль сыграло и распространение табакокурения: хорошо известно, что китай-

¹ По мнению западных экспертов, наиболее ранние образцы кресальных сумочек из Тибета в собраниях европейских музейных коллекций датируются XVII в. [Cassandra, Cezati, 1996. Pl. 45, 244].

ские трубки и курительные принадлежности пользовались широкой популярностью далеко за пределами Китая.

Свидетельством китайского влияния на тюрко-монгольскую традицию оформления наборных поясов с подвесными кресальными сумочками является наличие палочек для еды, крепившихся на ножнах ножей, составлявших единый комплект с огнивами. Подобные ножны могли изготавливать монгольские мастера, ориентировавшиеся на стандартные формы. В то же время китайская продукция отмечена такими характерными особенностями, как клейма на боковых металлических обкладках и иероглифы, нанесенные на стальные ударные лезвия огнив. Особенно выделяются вышедшие из рук китайских мастеров кресальные сумочки с органично вписанными в орнамент устойчивыми фразеологическими словосочетаниями, отражающими многообразную смысловую символику огня, связанную с непрерывными природными циклами рождения, жизни и смерти [Mitko, Stupan, 2011. P. 92–94].

Изучение огневых приборов тюрко-монгольского типа с китайскими надписями имеет важное значение для характеристики духовной культуры скотоводческих обществ Южной Сибири и Центральной Азии на рубеже позднего Средневековья и Нового времени. В этой связи представляют интерес выделяемые в отдельную самостоятельную группу поясные кресальные сумочки с краткими китайскими благопожелательными надписями, представленными в форме стилизованных иероглифов-символов. В настоящее время в состав группы огнив с краткими китайскими благопожелательными надписями включено 10 экз., сведения о которых получены из иллюстрированных каталогов европейских и китайских музеев, в ходе обработки этнографических коллекций отечественных музеев и знакомства с предметами современного монгольского и китайского рынков антиквариата. На шести из них помещен иероглиф *шоу* (寿, *долголетие*) (рис. 1). Две кресальные сумочки были зафиксированы в антикварном магазине Улан-Батора в 2012 г. одним из авторов данной публикации. Огнива использовались длительное время. В центральной части кожаных клапанов помещены металлические накладки в виде стилизованного иероглифа *шоу*. На одной из сумочек изображение иероглифа симметрично обрамляют две накладки, покрытые декоративно насыщенным узором выщегося побега (см. рис. 1, 1).

Иероглифический знак на кожаном клапане второй сумочки с четырех сторон окружают небольшие фигурные железные накладки, сочетающие элементы растительного узора и стилизованного образа с орнитоморфными чертами. На изображение иероглифа *шоу* с помощью металлического чекана с округлой ударной частью нанесена сплошная орнаментальная линия из мелких кружков, которые могут быть связаны с соляной символикой (см. рис. 1, 3). Включение в орнамент солнечных символов различной формы характерно для украшения огнив саяно-алтайскими мастерами. Аналогичный орнамент в виде линии из мелких кружков, повторяющих очертания иероглифического знака, можно проследить на одной из двух кресальных сумочек, хранящихся в Красноярском краевом краеведческом музее².

Иероглиф *шоу*, вырезанный из тонкой железной пластины, помещен в центральной части кожаного клапана сумочки (фондовый номер хранения 1465-4). На него нанесен орнамент в виде линии из мелких кружков, повторяющей очертания знака. По обеим сторонам иероглифа симметрично расположены две округлые бляхи с четырьмя овальными вырезами, у которых вдоль края и по контуру вырезов нанесена такая же орнаментальная линия, что и на центральной накладке в форме иероглифа. Все три накладки выполнены в единой стилистике и составляют законченную декоративную композицию (см. рис. 1, 2). На втором огниве (№ 1465-3) из фондов Красноярского музея иероглиф *шоу* представлен в виде прорезного геометрического орнамента, занимающего все пространство округлой металлической бляхи. Предельный схематизм делает его узнаваемым лишь при сравнении с более точными изображениями. В таком же стиле выполнены две небольшие накладки, имеющие форму стилизованных растительных побегов, органично дополняющих центральную фигуру (см. рис. 1, 4).

В иллюстрированных каталогах европейских музеев и частных собраний также встречаются огнива тюрко-монгольского типа. Выполненную из серебра центральную накладку

² Авторы искренне благодарят сотрудников Красноярского краевого краеведческого музея Н. П. Макарова и М. С. Баташова за помощь в подготовке данной статьи.

в виде иероглифа, обозначающего пожелание «долгой жизни», можно проследить на огниве тюрко-монгольского типа из коллекции «Брайант и Мэй» Музея науки в Лондоне. Иероглиф *шоу* окружают изображения двух цветков и двух бабочек, имеющих символическое значение (см. рис. 1, 5).

Подобное сочетание иероглифов и символов можно проследить на целом ряде престижных предметов, среди которых в рамках нашей темы особый интерес вызывает типологически близкая композиция на огневом приборе, который, возможно, был изготовлен в конце XVIII в. для императора Китая. Прибор представляет собой коробочку прямоугольной формы с закругленными углами (размер – $7,7 \times 5$ см, материал – золото, вес – около 130 г), стальное ударное лезвие закреплено в нижней части. На крышке коробочки на фоне цветочного орнамента, выполненного в рельефном стиле, помещен иероглиф *шоу*, покрытый эмалью темно-синего цвета. Вокруг него пять небольших изображений летающих летучих мышей и шесть небольших округлых бусин из бирюзы, помещенных в центр цветочных бутонов. Такие же бирюзовые бусины расположены по всему периметру коробочки. Долгое время «золотое огниво» находилось в частной коллекции Бидвелла, позднее его передали в Музей науки. На рисунке, сопровождающем первую публикацию этого экспоната, хорошо

Рис. 1. Огнива тюрко-монгольского типа с благопожеланием «долголетия»: 1, 3 – из коллекций антикварных магазинов Улан-Батора; 2, 4 – из фондов Красноярского краевого краеведческого музея; 5, 6а, б – из коллекции «Брайант и Мэй» лондонского Музея науки (6а – по: [Cassandra, Cezati, 1996. Pl. 45, 250, Pl. 48, 252]; 6б – по: [Miller, 1903. № XLVIII]) (1–4 – фото О. А. Митько; 5–7 – без масштаба)

Рис. 2. Огнива тюрко-монгольского типа с китайскими благожеланиями: 1, 3, 4 – из коллекций антикварных магазинов Улан-Батора; 2 – из коллекции раритетов династии Цин (по: [Тушо..., 2008. С. 180]) (1, 3, 4 – фото О. А. Митько; 2 – без масштаба)

видна желтая шелковая лента, на конце которой закреплен крупный шарик из красного коралла [Miller, 1903. P. 200. № XLVIII]. Лента крепилась на задней стороне коробочки, и ее наличие позволяет предположить, что данное огниво могло подвешиваться к поясу (см. рис. 1, ба). На фотографии из более поздней публикации лента отсутствует (как и три бирюзовые вставки по периметру коробочки) (см. рис. 1, бб). Возможно, для европейских исследователей отсутствие ленты послужило основанием для отнесения данного огневого прибора к типу карманных «трутниц» (pocket tinder-pouch) [Cassandra, Cezati, 1996. P. 126].

Рассматриваемая группа огнив тюрко-монгольского типа с краткими китайскими благожелательными надписями включает в себя два экземпляра с надписью, состоящей из двух знаков, прочитываемых как *дацзи* (大吉, *счастье и благополучие*). Они были выставлены на продажу в одном из антикварных магазинов Улан-Батора летом 2012 г.

Лицевая сторона первого огневого прибора декорирована серебряными накладками с изображением вьющегося побега. Центральное место в композиции занимают располо-

женные в вертикальном положении накладки в форме иероглифов. Они позолочены, что выделяет их на фоне сложного растительного орнамента, а вся поверхность украшена мелкими кружками, нанесенными металлическим чеканом с округлой ударной частью. Огниво использовалось длительное время. Заметны следы значительной сработанности ударной частью стального лезвия, коррозирована часть нижней накладки в форме знака *цзи* (吉). Очевидно, она была утеряна, а затем неаккуратно прикреплена к кожаной основе железной заклепкой (рис. 2, 1). Задняя сторона кресальной сумочки украшена аналогичным орнаментом, однако нижние накладки утеряны (на коже прослеживаются лишь места крепления), а верхний иероглифический знак *да* (大, *большое*) так же неаккуратно, как и знак *цзи* (吉) на передней стороне, заново закреплен с помощью заклепки с крупной головкой (см. рис. 2, 1). Вероятно, дублирование орнамента с пожеланием «счастья и благополучия» на задней стороне кресальной сумочки имело не только декоративное, но и символическое значение, означавшее усиление благопожелательного смысла.

На наш взгляд, это предположение находит свое подтверждение в орнаментации огнива из иллюстрированного каталога музейных раритетов, относящихся ко времени правления династии Цин, и огнива из монгольской антикварной коллекции (см. рис. 2, 2, 3).

На передней кожаной крышке огнива из иллюстрированного каталога закреплено три накладки в виде иероглифических символов, означающих *дацзида* (大吉大, *большое счастье и благополучие*). При этом поверх центрального знака *цзи* (吉) нанесен опять же знак *да* (大, *большое*) (см. рис. 2, 2). На русском языке это синонимично выражению «большое-пребольшое счастье и благополучие». Огниво подвешивалось к поясу с помощью витого шнура, на конце которого прикреплена подвеска из слоновой кости, с изображением мыши. Ее образ аллегорически усиливает благопожелательность нанесенных на огниво иероглифических знаков, очень крупных и занимающих всю поверхность крышки. Для дополнительных орнаментированных накладок практически не осталось места. На крышке кресальной сумочки из монгольской антикварной коллекции накладка в форме благопожелательного иероглифического знака *да* (大, *большое*) занимает всю ее центральную часть (см. рис. 2, 3). Крупные размеры знака символизируют связанные с ним пожелания «большого» счастья, благополучия и всего наилучшего. Значение иероглифа усилено узором на угловых накладках, сочетающим элементы растительного и геометрического орнамента, близкого к модификации «узла счастья».

Наряду с рассмотренными благопожеланиями счастья и благополучия, на огниве из антикварного магазина в Улан-Баторе был зафиксирован знак, соединяющий два иероглифа *сань юань* (三元, *три вида государственных экзаменов*). Знак отлит из серебра, как и другие металлические детали огнива (за исключением стального ударного лезвия), и также расположен по центру кожаного клапана огневого прибора (см. рис. 2, 4). На фоне богато декорированных огнив кресальная сумочка, украшенная одним иероглифическим символом, выглядит довольно «скромно», но эта «скромность» полностью компенсируется очень ёмким и содержательным смыслом, отличающимся от стереотипных благопожеланий. Выражение *сань юань* может включать в себя различные трактовки, но, на наш взгляд, оно связано с существовавшей идейной и образовательной системой. При династии Цин благополучное прохождение трех ступеней чрезвычайно сложных и долговременных государственных экзаменов (уездных, провинциальных и столичных) давало возможность достигнуть самых высоких чиновничьих должностей в административном аппарате Империи. Мы не знаем, для кого было изготовлено огниво с подобным благопожеланием. По закону к государственным экзаменам могли допускаться представители практически всех слоев общества [Сидихменов, 1987. С. 404–415]. Возможно, среди кандидатов на высшие государственные посты были выходцы и из тюрко-монгольских этнических групп.

Исследование огнив тюрко-монгольского типа с китайскими надписями носит разноплановый характер. В бытовых по своему функциональному назначению приспособлениях для получения огня нашел отражение самобытный художественный язык, органично сочетающий орнаментальные мотивы кочевых народов с эстетическими и этическими принципами китайской культуры. Степной орнаментализм, дополненный буддийской символикой, пронизан определенным смыслом. Как отмечала Л. Л. Викторова [1989. С. 222], он отражал

представления о могуществе, силе, чистоте, счастье и каждому из этих значений соответствовали свои линии орнаментального мотива. Композиция выражала реальное соответствие рисунка и житейской ситуации или же понятное для носителей традиционной культуры благопожелание.

В эпоху Цин наиболее распространенные благопожелания носили характер культурных стереотипов, которые почти механически использовались при соответствующих случаях, а образность и значение дополнительно усиливались зоо- и орнитоморфными образами и аллегорическими символам. Очевидно, что китайские и монгольские мастера, изготавливавшие и украшавшие огнива, ориентировались не только на стандартные формы и орнаментальные мотивы, но и стремились наполнить их образами и смыслами, понятными и популярными в среде кочевого населения.

Список литературы

Алтайский национальный костюм / Сост. Е. П. Зайцева. Горно-Алтайск: Горно-Алтайск. отд-ние Алтайск. кн. изд-ва, 1990. 96 с.

Бабуева В. Д. Материальная и духовная культура бурят: Учеб. пособие. Улан-Удэ, 2004. 228 с.

Бадамхатан С. К истории монгольской национальной одежды // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. Улан-Батор: Шинжлах Ухааны Академийн Хэвлах Уйлдвер, 1974. С. 53–56.

Вайнштейн С. Я. История народного искусства Тувы. М.: Наука, 1974. 224 с.

Викторова Л. Л. Об этнической специфике культуры (на примере некоторых народов алтайской языковой семьи) // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: Наука, 1989. С. 205–225.

Гурвич И. С. Культура северных якутов-оленьеводов. М.: Наука, 1977. 248 с.

Козлов П. К. Монголия и Кам. М.: Географгиз, 1949. 439 с.

Кочешков Н. В. Декоративное искусство монголоязычных народов XIX – середины XX века. М.: Наука, 1979. 208 с.

Лазаревич О. В., Молодин В. И., Лабеецкий П. П. Н. К. Рерих – археолог. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. 116 с.

Митько О. А. Поясные кресальные сумки центральноазиатских кочевников в развитом средневековье // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Батор: Изд-во Монгольск. гос. ун-та, 2012. Т. 2, вып. 3. С. 387–392.

Митько О. А. Металлические кресала древнетюркского времени с территории Южной Сибири и Центральной Азии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Чита: Забайкал. гос. ун-т, 2013. Ч. 2. С. 65–72.

Митько О. А., Ховалыг Р. Б., Барынай С. Л. Поясные подвески с серебряными украшениями из собрания Национального музея Республики Тыва // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 3: Археология и этнография. С. 340–347.

Рерих Ю. Н. Звериный стиль у кочевников северного Тибета. М.: МЦР, 1992. 38 с.

Рерих Ю. Н. По тропам Срединной Азии. Самара: АГНИ, 1995. 496 с.

Сидихменов В. Я. Китай: страницы прошлого. М.: ГРВЛ, 1987. 448 с.

Соктоева И. И., Бадмаева Р. Д. Бурятский художественный металл. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1971. 83 с.

Сунчугашев Я. И. Древняя металлургия в Хакасии: Эпоха железа. М.: Наука, 1979. 192 с.

Boyer M. Mongol Jewelry: Researches on the Silver Jewelry Collected by the First and Second Danish Central Asian Expeditions under the Leadership of Henning Haslund-Christensen 1936–37 and 1938–39. København: National museets skrifter, Ethnografisk Raekke, 1952. 223 p.

Cassandra V., Cesati A. Fire Steels. Torino: Umberto Allemandi & Co., 1996. 131 p.

Miller Ch. Tinder-Boxes. Article III: Personal Tinder-Boxes // The Burlington Magazine for Connoisseurs. 1903. Vol. 3, № 8. P. 197–204.

Mitko O. A., Stupan Yu. S. Tinger bag with a Chinese inscription // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2011. № 4. P. 90–95.

Hummel S. Geschichte der Tibetischen Kunst. Leipzig: Veb. Otto Harrassowitz, 1953. 123 S.

Rockhill W. W. The Land of the Lamas. Notes of a Journey the Through China Mongolia and Tibet with Maps and Illustrations. N. Y.: The Century Co., 1891. 416 p.

Zessin W. Feuerschlänger aus dem Königreich Nepal und einige andere aus Deutschland, Marokko und Finnland // Uesus: Mitteilungsblatt des Zoos Schwerin. 2009. H. 1. S. 19–28.

Тушо циндай гусян пэйши [图说清代吉祥佩饰。北京：中国轻工业出版社]. Изображения амулетов династии Цин. Пекин: Чжунго цингунъе чубаньшэ, 2008. 280 с.

Материал поступил в редколлегию 13.01.2014

Oleg A. Mitko, Wang Peng, Nulijazi Baiken

¹ Novosibirsk State University
2 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

² Institute of Archaeology, Chinese Academy of Social Sciences
27 Wangfujing dajie, Beijing, 100710, PRC

³ Xinjiang University
14 Shenglilu, Urumqi, 830046, PRC

omitis@gf.nsu.ru

TURKIC-MONGOLIAN TYPE BELT TINDER BOX WITH CHINESE INSCRIPTIONS AND SYMBOLS

The main theme of this article is to review the belt tinder box, which have a functional and artistic value and symbolic image. These devices for the fire were spread widely among the Turks and the Mongols in Southern Siberia and Central Asia

Fire steel is one of the most common types of archaeological finds in the funerary complex of medieval nomads of Eurasia. They were a fixture, as well as the decoration of the belt of the warrior and the evidence of his social status. Fire steel research related to the analysis and decorations in their description of the terms of functional aesthetics.

Transition to fire steel in Southern Siberia and Central Asia occurred during the second half of I AD. Decorated belt tinder box are fixed at the burials of the Turks in Siberia and Mongolia. Turkic-Mongolian type belt tinder box having original form and beautiful ornament appear in the late Middle Ages.

Transition to fire steel in Southern Siberia and Central Asia occurred during the second half of I AD. Decorated belt tinder box are fixed at the burials of the Turks in Siberia and Mongolia. Turkic-Mongolian type belt tinder box having original form and beautiful ornament appear in the late Middle Ages.

In the XIX century, they became the part of a national costume of Mongols, Buryats, Tuvinians, Altaic and Khakas peoples. Masters decorated the belt purses with floral and geometric patterns, and corals. Chinese jewelers used different metals including gold and silver. Chinese goods came to South Siberia through the territory of the northwestern Mongolia and Russian border town Kyakhta. The goods were subject of interest for rich and wealthy people, who often bargained sable fur for them.

The article considers a separate group of a flint (10 copies) with brief Chinese inscriptions. They are presented in the form of stylized characters-characters, which mean the wish of «long life», «happiness and prosperity». Hieroglyphics were made of silver, brass or copper, and placed in the central part of the valve leather handbags. These inscriptions are accompanied by allegorical depictions of birds, animals and plants, which further intensified the value of the main hieroglyphic symbol. Qing Dynasty made exams extremely difficult for those who would like to obtain the position of a state official. Belt tinder box have characters with a wish to pass three stages exams safely.

In household devices for receiving fire reflected the distinctive artistic style. This style is organically combined the ornamental motifs of the nomadic peoples of the ethical and aesthetic principles

of Chinese culture. A variety of artistic styles and availability of individual techniques in the design of decoration suggest the richness of the aesthetic tastes of Turks and Mongolian peoples of Southern Siberia and Central Asia.

Keywords: fire steel, belt tinder box, Center Asia, Mongolia, China, Good Luck, ornamentation, semantic.

References

- Altaiskii natsional'nyi kostyum [Altai National Costume]*. Compiler E. P. Zaitseva. Gorno-Altai, 1990, 96 p. (In Russ.)
- Babueva V. D. Material'naya i dukhovnaya kul'tura buryat [Material and Spiritual Culture of Buryats]. Textbook. Ulan-Ude, 2004. 228 p. (In Russ.)
- Badamkhatan S. K istorii mongol'skoi natsional'noi odezhdy [On the History of the Mongolian National Clothes]. *Rol' kochevykh narodov v tsivilizatsii Tsentraj'noi Azii [Role of the Nomadic Peoples in the Civilization of Central Asia]*. Ulan-Bator, 1974, p. 53–56. (In Russ.)
- Boyer M. Mongol Jewelry: Researches on the Silver Jewelry Collected by the First and Second Danish Central Asian Expeditions under the Leadership of Henning Haslund-Christensen 1936–37 and 1938–39. København: National museets skrifter, Ethnografisk Raekke, 1952, 223 p.
- Cassandra V., Cesati A. Fire Steels. Torino: Umberto Allemandi & Co., 1996, 131 p.
- Gurvuch I. S. Kul'tura severnykh yakutov-olenevodov [Culture Northern Yakut Reindeer Herders]. Moscow, Nauka Publ., 1977, 248 p. (In Russ.)
- Hummel S. Geschichte der Tibetischen Kunst. Leipzig: Veb. Otto Harrassowitz, 1953. 123 S.
- Kocheshkov N. V. Dekorativnoe iskusstvo mongoloyazychnykh narodov XIX – serediny XX veka [Decorative Arts Mongolian Peoples XIX – Middle XX Century]. Moscow, Nauka Publ., 1979, 208 p. (In Russ.)
- Kozlov P. K. Mongoliya i Kam [Mongolia and Kham]. Moscow, 1949, 439 p. (In Russ.)
- Lasarevich O. V., Molodin V. I., Labetskii P. P. N. K. Rerikh – arkheolog [N. K. Roerich – an Archaeologist]. Novosibirsk, 2002, 116 p. (In Russ.)
- Miller Ch. Tinder-Boxes. Article III: Personal Tinder-Boxes. *The Burlington Magazine for Connoisseurs*. 1903, vol. 3, no. 8, p. 197–204.
- Mit'ko O. A. Poyasnye kresal'nye sumki tsentral'noaziatskikh kochevnikov v razvitom srednevekov'e [Belt tinder bags Central Asian nomads in the development of medieval]. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikalskoi Sibiri [Ancient Cultures of Mongolia and Siberia Baikal]*, Ulan-Bator, Mongolian State Uni. Publ., 2012, vol. 2, iss. 3, p. 387–392. (In Russ.)
- Mit'ko O. A. Metallicheskie kresala drevneturkskogo vremeni s territorii Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii [Fire steel ancient Turkic time in Southern Siberia and Central Asia]. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikalskoi Sibiri [Ancient Cultures of Mongolia and Siberia Baikal]*. Chita, 2013, vol. 2, p. 65–72. (In Russ.)
- Mit'ko O. A., Khovalyg R. B., Bartnai S. L. Poyasnye podveski s serebryanymi ukrasheniyami iz sobranya Natsional'nogo muzeya Respubliki Tyva [Suspension belt silver jewelry from the collection National museum Tyva]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*, 2012, vol. 11, iss. 3: *Archaeology and Ethnography*, p. 340–343 (In Russ.)
- Mitko O. A., Stupan Yu. S. Tinger Bag with a Chinese Inscription. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2011, no. 4, p. 90–95.
- Rockhill W. W. The Land of the Lamas. Notes of a Journey the Through China Mongolia and Tibet with Maps and Illustrations. N. Y.: The Century Co., 1891, 416 p.
- Roerikh Yu. N. Po tropam Sredinnoi Azii [Along the Paths of Middle Asia]. Samara, 1995, 496 p. (In Russ.)
- Roerikh Yu. N. Zverinyi stil' u kochevnikov severnogo Tibeta [Animal Style of the Nomads of Northern Tibet]. Moscow, 1992. 38 p. (In Russ.)
- Sidikhmenov B. Ya. Kitai: stranitsy proshlogo [China: The Last Page]. Moscow, 1987. 448 p. (In Russ.).
- Soktoeva I. I., Badmaeva R. D. Buryatskii khudozhestvennyi metal [Buryat Art Metal]. Ulan-Ude, 1971. 83 p. (In Russ.)

Sunchugashev Ya. I. Drevnyaya metallurgiya v Rhakasii: Epokha zheleza [Ancient Metallurgy in Khakassia: The Age of Iron]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 192 p. (In Russ.)

Tushuo Qingdai guxiang peishi [Image Amulets Qing Dynasty]. Beijing: Zhongguo qinggongye chubanshe, 2008, 280 p. (In Chinese)

Vainshtein S. Ya. Istoriya narodnogo iskusstva Tuvy [History Folk Art Tuva]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 224 p. (In Russ.)

Viktorova L. L. Ob etnicheskoi spetsifike kul'tury (na primere nekotorykh narodov altaiskoi yazykovoi sem'i) [The Ethnic Specificity of Culture (for example, Some Peoples of the Altai Language Family)]. *Etnograficheskoe izuchenie znakovykh sredstv kul'tury* [Ethnographic Study of Symbolic Means of Culture]. Leningrad, Nauka Publ., 1989, p. 205–225. (In Russ.)

Zessin W. Feuerschlänger aus dem Königreich Nepal und einige andere aus Deutschland, Marokko und Finnland. *Uesus: Mitteilungsblatt des Zoos Schwerin*. 2009, ht. 1, S. 19–28.